

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМАТИКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Собрал Анатолий Зеликман

Алигер Маргарита Иосифовна (1915 - 1992), российская поэтесса. *****

*И в чужом жилище руки грея,
Я себе позволила спросить:
"Кто же мы такие?" – Мы евреи!
Как я смела это позабыть!
Я сама не знаю, как я смела,
Было так безоблачно вокруг.
Я об этом вспомнить не успела,
С детства было как-то недосуг.
Дни сояли хмурые, косые,
Непогода улицы мела...
Родилась я осенью в России,
И меня Россия приняла.
Родину себе не выбирают.
Начиная видеть и дышать,
Родину на свете получают,
Непреломно, как отца и мать!
Родина!.. И радости, и горе
Неразрывно слиты были с ней.
Родина!.. В любом бою и споре
Ты была помощницей моей.
Я люблю раскатистые грозы,
Хрупкий и накатистый мороз,
Яркие живительные слезы
Утренних сверкающих берез...*

*Лорелея, девушка на Рейне,
Яркий луч, волшебный сон...
Чем мы виноваты, Генрих Гейне?!
Чем не угодил вам Мендельсон?!
Я спрошу у Маркса и Ейнштейна,
Что великой мудростью полны,
Может, им известна эта тайна
Нашей перед вечностью вины?
Милые полотна Левитана,
Яркое цветение берез,
Чарли Чаплин с белого экрана...
Так ответьте мне на мой вопрос:
Разве мы, чем были мы богаты,
Мы не отдали без лишних слов?!
Чем же мы пред миром виноваты –
Эренбург, Багрицкий И Свердлов?!
Жили мирно, не щедя талантов,
Не жалея лучших сил своих.
Я спрошу врачей и музыкантов,
Труженников малых и больших,
Их, потомков древних Маковеев,*

*Кровных сыновей своих отцов,
Тысячи воюющих евреев,
Храбрых командиров и бойцов.
Отвечайте мне во имя чести
Племени, несчастного в веках,
Юноши, пропавшие без вести,
Юноши, погибшие в боях!
Вековечный запах униженья,
Причитанья матерей и жен,
В смертных лагерях уничтоженья
Наш народ расстрелян и сожжен...
Танками раздавленные дети,
Этикетка – „юда“, кличка – „жид“...
Нас уже почти что нет на свете!!
Нас уже никто не оживит!!!...*

*Мы евреи! Сколько в этом слове
Горечи И мук прошедших лет!
Я не знаю, есть ли в крови голос,
Но я знаю крови красный цвет.
Этим цветом землю обагрила
Сволочь, заклеянная в веках;
И людская кровь заговорила
В смертный час на разных языках...*

ОТВЕТ МАРГАРИТЕ АЛИГЕР

На Ваш вопрос ответить не умея,
Сказал бы я - нам беды суждены.
Мы виноваты в том, что мы - евреи.
Мы виноваты в том, что мы умны.
Мы виноваты в том, что наши дети
Стремятся к знаниям и мудрости людей.
И в том, что мы рассеяны по свету,
И не имеем Родины своей.
Нас сотни тысяч, жизни не жалея,
Прошли бои, достойные легенд,
Чтоб после слышать: "Это кто, евреи?
Они в тылу сражались за Ташкент!"
Чтоб после мук и пыток Освенцима,
Кто смертью был случайно позабыт,
Кто потерял всех близких и любимых,
Услышать вновь: "Вас мало били, жид!"
Не любят нас за то, что мы - евреи,
Что наша вера - остов многих вер,
Но я горжусь, отнюдь я не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер.
Недаром нас, как самых ненавистных,
Подлейшие с жестокою душой,
Эсэсовцы жидов и коммунистов
В Майданек посылали на убой.

Нас удушить пытались в грязном гетто,
Сгноить в могилах, в реках утопить,
Но несмотря, да, несмотря на это,
Товарищ Алигер, мы будем жить!
Мы будем жить, и мы еще сумеем
Талантами и жизнью доказать,
Что наш народ велик, что мы, евреи
Имеем право жить и процветать.
Народ бессмертен, новых Маккавеев
Он породит грядущему в пример.
Да, я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер.

Комментарий: Знаменитое стихотворение Маргариты Алигер «Мы евреи» - отрывок из поэмы «Твоя победа», напечатанной в 1946 г. в журнале «Знамя». Многие годы авторство ответа приписывалось Эренбургу, у которого были даже неприятности в связи с этим. Эренбурга вызывали в соответствующие органы, а в семье считали, что кто-то хотел насолить Эренбургу, приписав ему авторство «Ответа М. Алигер». Ирина Эренбург, дочь писателя, подтверждала, что это стихотворение не ее отца, но что под многими его строками он мог бы подписаться. Автор ответа Михаил Рашкован, в то время житель г. Самаркада (ныне проживает в Израиле), в 1939 году окончивший с отличием школу и мобилизованный в армию, в начале июля 1941 г. был уже на передовой, а в конце июля получил тяжелое ранение - первое, но не последнее. Еще дважды был он ранен и лишь в 1946г. демобилизовался.

[Аронов Александр Яковлевич \(1934 – 2001\), российский поэт, журналист.](#)

Гетто. 1943 год.

Когда горело гетто,
Когда горело гетто,
Варшава изумлялась
Четыре дня подряд.
И было столько треска,
И было столько света,
И люди говорили:
— Клопы горят.

А через четверть века
Два мудрых человека
Сидели за бутылкой
Хорошего вина,
И говорил мне Януш,
Мыслитель и коллега:
— У русских перед Польшей
Есть своя вина.

Зачем вы в 45-м
Стояли перед Вислой?
Варшава погибает!
Кто даст ей жить?
А я ему: — Сначала
Силенок было мало,
И выходило, с помощью
Нельзя спешить.

— Варшавское восстание
Подавлено и смято,
Варшавское восстание
Потоплено в крови.
Пусть лучше я погибну,
Чем дам погибнуть брату, —
С отличной дрожью в голосе
Сказал мой визави.

А я ему на это:
— Когда горело гетто,
Когда горело гетто
Четыре дня подряд,
И было столько треска,
И было столько света,
И все вы говорили:
"Клопы горят".

1991

[Багрицкий \(Дзюбин\) Эдуард Георгиевич \(1895 - 1934\), советский русский поэт.](#)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Я не запомнил — на каком ночлеге
Пробрал меня грядущей жизни зуд.
Качнулся мир.
Звезда споткнулась в беге
И заплескалась в голубом тазу.
Я к ней тянулся... Но, сквозь пальцы рея,
Она рванулась — краснобокий язь.
Над колыбелью ржавые евреи
Косых бород скрестили лезвия.
И все навыворот.
Все как не надо.
Стучал сазан в оконное стекло;
Конь щебетал; в ладони ястреб падал;
Плясало дерево.
И детство шло.
Его опресноками иссушали.

Его свечой пытались обмануть.
К нему в упор придвинули скрижали —
Врата, которые не распахнуть.
Еврейские павлины на обивке,
Еврейские скисающие сливки,
Костыль отца и матери чепец —
Все бормотало мне:
— Подлец! Подлец!—
И только ночью, только на подушке
Мой мир не отсекала борода;
И медленно, как медные полушки,
Из крана в кухне падала вода.
Сворачивалась. Набегала тучей.
Струистое точила лезвие...
— Ну как, скажи, поверит в мир текущий
Еврейское неверие мое?
Меня учили: крыша — это крыша.
Груб табурет. Убит подошвой пол,
Ты должен видеть, понимать и слышать,
На мир облокотиться, как на стол.
А древоточца часовая точность
Уже долбит подпорок бытие.
...Ну как, скажи, поверит в эту прочность
Еврейское неверие мое?
Любовь?
Но съеденные вшами косы;
Ключица, выпирающая косо;
Прыщи; обмазанный селедкой рот
Да шеи лошадиный поворот.
Родители?
Но, в сумраке старея,
Горбаты, узловаты и дики,
В меня кидают ржавые евреи
Обросшие щетиной кулаки.
Дверь! Настежь дверь!
Качается снаружи
Обглоданная звездами листва,
Дымится месяц посредине лужи,
Грач вопиет, не помнящий родства.
И вся любовь,
Бегущая навстречу,
И все кликушество
Моих отцов,
И все светила,
Строящие вечер,
И все деревья,
Рвущие лицо,—
Все это встало поперек дороги,
Больными бронхами свистя в груди:
— Отверженный!
Возьми свой скарб убогий,
Проклятье и презренье!
Уходи!—

Я покидаю старую кровать:
— Уйти?
Уйду!
Тем лучше!
Наплевать!
1930

**Бейдер Хаим Волькович (1920 – 2003), советский литератор и журналист.
Исследователь еврейской культуры.**

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ!

- "Шолом-алеихем" - что такое? -
Меня спросили как-то раз.

Сказал я:

- Добрый знак рукою,
Слова надежды без прикрас,
И друг, все двери распахнувший,
Чтобы скорей тебя обнять,
Во тьму дворовую шагнувший,
Чтобы печаль твою унять.

- "Шолом-алеихем" - что такое? -
Меня спросили как-то раз.

Сказал я:

- Мужество большое,
С каким встречаем горький час,
Когда мечты коса скосила
И жизнь твоя дала излом,
Но всё же не иссякла сила
И ты на бой идёшь со злом.

- "Шолом-алеихем" - что такое? -
Меня спросили как-то раз.

Сказал я:

- Слово золотое,
Оно давно в чести у нас;
Оно сильнее, чем оружие,
Оно добро несёт с собой,
Его переводить не нужно -
Его поймёт язык любой!

Из книги "Моя погода", Москва, "Советский писатель", 1985. Перевод из идиш.

**Беляев Константин Николаевич (р.1934) –
исполнитель бардовских песен, поэт и композитор.**

Еврейская невеста

1. Мне замуж нужно выйти поскорее,
Налились груди, дынями висят.
Найдите же мне толстого еврея,
Чтоб с бабками и лет за шестьдесят!
2. Послала объявление в газету,
И их визиты мне проели плешь.
И я скажу вам, мама, по секрету?
Не поваливши мужа - не поешь!
3. То импотент, а то характер свинский,
То нищий мент, то гомик, а то мразь.
Вот если бы такой, как Шуфутинский -
То я б с пол-оборота завелась.
4. Ему б сказала? "Мойша, please, sit down,
How do you do не хотите ли вы?"
Ну, в крайности, такой, как Розенбаум,
Чтоб с сексуальным видом головы.
5. Ах, мама, я тащусь от плечей узких,
От волосатых толстых животов.
Ну хоть бы клюнул кто из новых русских,
Но только непременно из жидов!
6. Ну кто ж сейчас захочет эскимоса,
Кто с чуркой свяжет юную судьбу?
За месяц жизни с Борей-кровососом
В момент с грудями вылетишь в трубу.
7. Ах, мама, мне по сердцу обрезанье,
Ведь с детства Голда Меир я в душе.
И пусть из местечковой он Рязани,
Мы в Хайфу с ним махнём на ПМЖ.
8. Раскинь, маман, мы в дальнюю дорогу,
Антисемиты пусть горят огнём.
Объединимся через синагогу,
"Хава-Нагила" вместе запоём.
9. Звонят в дверях, откройте поскорее,
Налились груди, дынями висят.
Найдите же мне толстого еврея,
Чтоб с бабками и лет за шестьдесят.
Достаньте же мне толстого еврея,
Чтоб с бабками и лет за шестьдесят!

Слова: Л. Ефремов

Комментарий: Беляев родился в городе Одессе. Живет в Москве.

Закончил МГПИИЯ им. Мориса Тореза в 1960 году, переводчик и преподаватель английского языка. Играет на шестиструнной гитаре.

В основном пишет песни на чужие стихи и исполняет чужие песни. Из известных песен: "Куплеты про евреев" ("Вот трамвай на рельсы встал..."), "Москвички" ("Мчатся к морю электрички...") на стихи Е. Евтушенко, "На параде к тете Наде молодой комиссар..." на стихи Игоря Эренбурга и один куплет Беляева, перетекстовка на мелодию "В нашем доме появился замечательный сосед..." на еврейскую тему, "...А я пролетарий, подался в планетарий..." на стихи Игоря Эренбурга.

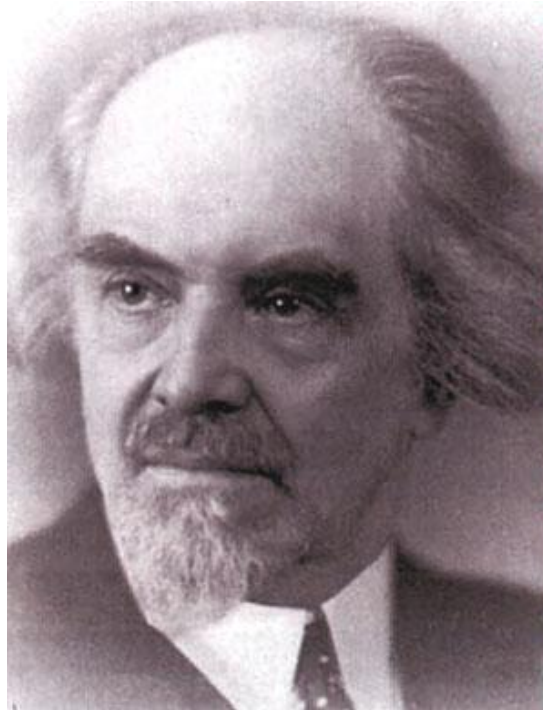
С 1988 по 1993 год занимался частным бизнесом, параллельно активно начал записываться. В 1996 году впервые записался на профессиональной студии "Рок-Академия," после чего в 1997 вышел первый официальный сольный диск "Озорной привет из застойных лет". За период с 1966 года по настоящее время записал около 70 альбомов и концертов, постоянно производится оцифровка и восстановление старых катушечных записей. В репертуаре примерно 500-600 песен.

P.S. [Послушайте песню "Кругом одни евреи". Поёт Константин Беляев:](http://www.youtube.com/watch?v=yUijuSaxnUc)
<http://www.youtube.com/watch?v=yUijuSaxnUc>

Бердяев Николай Александрович (1874 – 1948), русский философ и публицист.

Темна Россия и забита:
Тираны, войны, недород...
К чему клеймо антисемита
Тебе, страдающий народ?
К чему свирепствовать, Россия,
От хижины и до дворца?
К тому ли звал тебя Мессия?
Поводыря нет у слепца?
Опомнись: нет великих наций,
Евангелью не прекословь.
Отвергни ритуал оваций.
Когда громишь ты иноверцев,
Стократ твоя же льется кровь,
Так коль не разумом, так – сердцем.

Комментарий: Известный русский философ был большим нашим заступником. Он редко писал стихи, тем ценнее то из них, которое он посвятил евреям

Блаженный (Айзенштадт) Вениамин Михайлович (1921 - 1999), российский поэт.

Отец мой - Михл Айзенштадт -
был всех глупей в местечке.
Он утверждал, что есть душа
у волка и овечки.
Он утверждал, что есть душа у комара и мухи.
И не спеша он надевал потрепанные брюки.
Когда еврею в поле жаль подбитого галчонка,
ему лавчонка не нужна, зачем ему лавчонка?..
И мой отец не торговал –
не путал счёта в сдаче...
Он чёрный хлеб свой добывал
трудом рабочей клячи.
О, эта чёрная страда бесценных
хлебных крошек!
Отец сидит в в углу двора и робко
кормит кошек.
И незаметно он ногой выделяет танец,
И на него взирает гой, весёлый оборванец.
- Ах, Мишка...Михеле дер нар –
какой же ты убогий!
Отец имел особый дар быть избранным у бога.
Отец имел во всех делах одну приметку –
совесть.
Вот так она и родилась, моя святая повесть.

1972

Бородулин Рыгор (Григорий Иванович) (р.1935), белорусский советский поэт.

*Последние поэты еврейские...
Кому прочтут они
Стихи свои на идиш?
Старики отошли к предкам,
Оглохли,
Отвыкли.
Молодежь не понимает.
В городишках
Собаки передохли.
Местечковые воробьи
В последнем колене
Изведены химией.
Ни школ, ни учеников.*

*Только кое-какие слова
Забрели попутно в белорусскую речь.
Мне смутно припоминается,
Наплывно видится,
Как на предвоенную мостовую
Летели из окон
Книжки с непонятными буквами,
Словно по снегу
Прошлое
Множество лапок птичьих.
Закрывалась школа
С целью
То ли единопозычия,
То ли взаимопонимания.
Хотя до той поры
Веками
Янка и Янкель,
Зося и Зелда
Друг другу вполне понимали,
Даром что огольцы.
Дразнили магазинщика:
— У вас продаются
Свиные подковки?.. —
Летели книги
Грустнокрылыми пигалицами...
Смотрю
На книги белорусские
И вспоминаю
Унылокрылых одиноких
Изгнанниц.*

1989

Авторизованный перевод с белорусского.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873 - 1924), русский поэт.

*О Книга книг! Кто не изведал
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух тебе!*

*В чреде видений неизменных
Как совершенна и чиста
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!*

*Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:*

*Пред Евой – искушенья змия,
С голубкой возвращенной – Ной!*

*Се, в страшный час в горах застыли
Отец и сын, костер сложив.
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-богоборец жив!*

*И кто, житейское отбросив,
Не плакал в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!*

*Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль?!*

*Резец, и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих –
Еще светлей, еще лучистей
Творят ряд образов твоих.*

*Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя:
Еврей, христианин, безбожник –
Все, все учились у тебя.*

*И сколько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты.*

*Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаешь – алтарь пред человеком,
О Библия! О Книга книг!*

*Ты – правда тайны сокровенной,
Ты – откровенье, ты – Завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!*

("Библия", 1918)

[Быков Дмитрий Львович \(р.1967\), российский журналист, писатель.](#)

Послание к евреям

*"В сем христианнейшем из миров
Поэты - жи́ды."
(Марина Цветаева)*

В душном трамвае - тряска и жар,
как в танке, -
В давке, после полудня, вблизи Таганки,
В гвалте таком, что сознание затмевалось,
Ехала пара, которая целовалась.
Были они горбоносы, бледны, костлявы,
Как искони бывают Мотлы и Хавы,
Вечно гонимы, бездомны, нищи, всемирны -
Семя семитское, проклятое семижды.
В разных концах трамвая шипели хором:
"Ишь ведь жи́ды! Плодятся, иудин корено!
Ишь ведь две спирохеты - смотреть противно.
Мало их давят - сосутся демонстративно!".
Что вы хотите в нашем Гиперборее?
Крепче целуйтесь, милые! Мы - евреи!
Сколько нас давят - а все не достигли цели.
Как ни сживали со света, а мы все целы.
Как ни топтали, как не тянули жилы,
Что не творили с нами - а мы все живы.
Свечи горят в семисвечном нашем шандале!
Нашему Бродскому Нобелевскую дали!
Радуйся, радуйся, грейся убогой лаской,
О мой народ богоизбранный - вечный лакмус!
Празднуй, сметая в ладонь последние крохи.
Мы - индикаторы свинства любой эпохи.
Как наши скрипки плачут
в тоске предсмертной!
Каждая гадина нас выбирает жертвой
Газа, погрома ли, проволоки колючей -
Ибо мы всех беззащитней - и всех живучей!
Участь избранника - травля, как ни печально.
Нам же она предназначена изначально:
В этой стране, где телами друг друга греем,
Быть человеком - значит уже евреем.
А уж кому не дано - хоть кричи,
хоть сдохни, -
Тот поступает с досады в черные сотни:
Видишь, рычит, рыгает, с ломиком ходит -
Хочется быть евреем, а не выходит.
Знаю, мое обращение против правил,
Ибо известно, что я не апостол Павел,
Но, не дождавшись совета, - право поэта, -
Я - таки да! - себе позволяю это,
Ибо во дни сокрушенья и поношенья
Нам не дано ни надежды, ни утешенья.
Вот моя Родина - Медной горы хозяйка.
Банда, баланда, блядь, балалайка, лайка.
То-то до гроба помню твою закалку,
То-то люблю тебя, как собака палку!
Крепче целуйтесь, ребята! Хава нагила!

Наша кругом Отчизна. Наша могила.
Дышишь, пока целуешь уста и руки
Саре своей, Эсфири, Юдифи, Руфи.
Вот он, мой символ веры, двигавшей годы,
Тоненький стебель последней моей опоры,
Мой стебелек прозрачный, черноволосый,
Девушка милая, ангел мой горбоносый.

P.S. **Прочитайте рифмованный рассказ Д.Быкова "Разочарованный" из журнала "Огонёк". Не разочаруетесь!** : <http://www.ogoniok.com/5069/10/>

Высоцкий Владимир Семёнович (1938 - 1980), русский артист, поэт, бард.

Зачем мне считаться шпаной и бандитом -
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне хоть и нету законов, -
Поддержка и энтузиазм миллионов.
Решил я - и, значит, кому-то быть битым,
Но надо ж узнать, кто такие семиты, -
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!
Но друг и учитель - алкаш в бакалее -
Сказал, что семиты - простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, -
Теперь я спокоен - чего мне бояться!
Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?
Среди них - пострадавший от Сталина Каплер,
Среди них - уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.
Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев;
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они бога распяли!
Им кровушки надо - они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!
По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи - живут там как боги...
На все я готов - на разбой и насилие, -
И бью я жидов - и спасаю Россию!

Мишка Шифман башковит -
У него предвиденье.
«Что мы видим, - говорит, -
Кроме телевиденья?
Смотришь конкурс в Сопоте -
И глотаешь пыль,
А кого ни попадя
Пускают в Израиль!»
Мишка также сообщил
По дороге в Мнёвники:
«Голду Меир я словил
В радиоприемнике...»
И такое рассказал,
До того красиво! -
Что я чуть было не попал
В лапы Тель-Авива.
Я сперва-то был не пьян,
Возразил два раза я -
Говорю: «Моше Даян -
Сука одноглазая, -
Агрессивный, бестия,
Чистый фараон, -
Ну, а где агрессия -
Там мне не резон».
Мишка тут же впал в экстаз -
После литры выпитой -
Говорит: «Они же нас
Выгнали с Египета!
Оскорбления простить
Не могу такого, -
Я позор желаю смыть
С Рождества Христова!»
Мишка взял меня за грудь:
«Мне нужна компания!
Мы ж с тобой не как-нибудь -
Здравствуй - до свидания, -
Побредем, паломники,
Чувства придавив!..
Хрена ли нам Мнёвники -
Едем в Тель-Авив!»
Я сказал: «Я вот он весь,
Ты же меня спас в порту.
Но одна загвоздка есть:
Русский я по паспорту.
Только русские в родне,
Прадед мой - самарин, -
Если кто и влез ко мне,
Так и тот - татарин».
Мишку Шифмана не трожь,
С Мишкой - прочь сомнения:
У него евреи сплошь
В каждом поколении.
Дед параличом разбит, -

Бывший врач-вредитель...
А у меня - антисемит
На антисемите.
Мишка - врач, он вдруг затих:
В Израиле бездна их, -
Гинекологов одних -
Как собак нерезаных;
Нет зубным врачам пути -
Слишком много просится.
Где на всех зубов найти?
Значит - безработица!
Мишка мой кричит: «К чертям!
Виза - или ванная!
Едем, Коля, - море там
Израилеванное!..»
Видя Мишкину тоску, -
А он в тоске опасный, -
Я еще хлебнул кваску
И сказал: «Согласный!»
...Хвост огромный в кабинет
Из людей, пожалуй, ста.
Мишке там сказали «нет»,
Ну а мне - «пожалуйста».
Он кричал: «Ошибка тут, -
Это я - еврей!..»
А ему: «Не шибко тут!
Выйди, вон, из дверей!»
Мишку мучает вопрос:
Кто тут враг таинственный?
А ответ ужасно прост -
И ответ единственный:
Я в порядке, тьфу-тьфу-тьфу,-
Мишка пьет проклятую, -
Говорит, что за графу
Не пустили - пятаю.

P.S. [Прочитайте. Еврейская тема в творчестве В. Высоцкого:](http://www.lechaim.ru/ARHIV/99/popov.htm)
<http://www.lechaim.ru/ARHIV/99/popov.htm>

[Галич \(Гинзбург\) Александр Аркадьевич \(1918 – 1977\), русский драматург, поэт.](#)

*Ой, не шейте вы, евреи, ливреи,
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы зазря, не стенайте, —
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.*

*А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам лехаим,*

А таскаться на допрос с вертухаем.

*Если ж будешь торговать ты елеем,
Если станешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Рос... синантом
И украсят лапсердак аксельбантом.*

*Но и ставши в ремесле этом первым,
Все равно тебе не быть камергером
И не выйти на елее в Орфеи...
Так не шейте ж вы ливреи, евреи! (1964)*

P.S. **Поклонникам А. Галича рекомендую его поэму "Кадиш":**

http://www.shansonprofi.ru/person/galich/lyrics/galich_kadish_evreyskaya_pominalnaya_molitva_kotoruyu_proiznosit.html

Гафт Валентин Иосифович (р.1935), российский актёр театра и кино.

*Я – поле, минами обложенное,
Туда нельзя, нельзя сюда.
Мне тратить мины не положено,
Но я взрываюсь иногда.
Мне надоело быть неискренним
И ездить по полю в объезд,
А заниматься только рысканьем
Удобных безопасных мест.
Мне надоело быть безбожником.
Пора найти дорогу в Храм.
Мне надоело быть заложником
У страха с свинством пополам.
Россия, где моё рождение,
Где мои чувства и язык,
Моё спасенье и мышление,
Всё, что люблю, к чему привык.
Россия, где мне аплодируют,
Где мой отец и брат убит.
Здесь мне подонки вслед скандируют
Знакомое до боли: "жид!!!"
И знаю, как стихотворение,
Где есть смертельная строфа,
Анкету, где, как преступление,
Маячит пятая графа.
Заполню я листочки серые,
На всё, что спросят, дам ответ,
Но, что люблю, во что я верую,
Там нет таких вопросов, нет!
Моя Россия, моя Родина,
Тебе я не побочный сын.*

И пусть не всё мной поле пройдено,
Я не боюсь смертельных мин.

P.S. **Послушайте эпиграммы Гафта в его же исполнении:**
<http://www.youtube.com/watch?v=Fzf9Ncyd1nk&feature=related>

Гебиртиг Мордехай (настоящая фамилия Биртиг) (1877 – 1942), польский поэт-песенник.

Ой, бедный городишко наш горит!
Злыми черными ветрами
Раздуваясь, крепнет пламя;
В небе, в поле, под ногами
Всё вокруг горит!
Горит, братья, горит!
Городок наш бедный весь горит!
Языки огня и пыли
Городок уж поглотили -
Ветры рыщут на могиле,
Город весь горит!
Горит, братья, горит!
Миг - и будет весь наш город смыт.
Городок наш вместе с нами -
Превратится в прах и пламя,
Встанут черными ночами
Груды мертвых плит.
Горит, братья, горит!
Наша жизнь зависит лишь от нас,
Если город вам свой дорог,
Так спасайте сами город
И гасите прямо сейчас,
Чтоб огонь погас!
Так себя спасайте сами
Средь горящих плит
И гасите, братья, пламя!
Город наш горит!

***Комментарий:** Столяр Мордехай Гебиртиг жил в Кракове и сочинял песни. И слова, и музыку. Нот он не знал, он наигрывал свои мелодии на простой флейте, а его друг - поляк Юлиан Гофман - записывал ноты. Его дочь сохранила эти записи, и благодаря ей они дошли до нас. Погиб в Краковском гетто. Он был одним из самых известных авторов песен в еврейском мире 20-30-х годов. Писал он на своем родном языке идиш, опираясь на еврейскую народную мелодику. Был Гебиртиг членом социал-демократической партии, и в песнях его немало говорится о тяжелой доле рабочих и необходимости борьбы за свои права. Песни Гебиртига распространялись по всему еврейскому миру, дошли и до Америки. Многие из них стали народными, их поют в разных странах, где есть еврейские общины. Евреям советского и постсоветского пространства они были знакомы в исполнении сестер*

Бэрри. Это наиболее известная песня Гебиртига, ставшая гимном польского еврейского Сопротивления, с которой шли в бой повстанцы Варшавского гетто - "Эс брэнт" - Горит, братья, горит!

Гинзбург Евгения Семёновна (1904 – 1977), советский писатель, журналист. Мать В. Аксёнова.

...И вновь, как седые евреи,
Воскликнем, надеждой палимы,
И голос сорвется, слабея:
На будущий - в Ерусалиме!

Тюремные кружки содвинув,
Осушим их, чокнувшись прежде.
Ты смыслишь что-либо в винах?
Нет слаще вина надежды!

Товарищ мой! Будь веселее!
Питаясь перловкой, не манной,
Мы все ж, как седые евреи,
В свой край верим обетованный.

Такая уж вот порода!
Замучены, нищи, гонимы.
Все ж скажем в ночь Нового года:
На будущий - в Ерусалиме! (1937)

Комментарий: Гинзбург не получила еврейского образования, но черпала силы в своей принадлежности к еврейскому народу. Описывая пережитии с устройством Васи в школу, она писала: «Во мне бушевала кровь моих неведомых дедов и бабок. Тех самых, которые были готовы обходиться без супа лишь бы вырастить учёных детей». Сидя в ярославской одиночке, она написала такие новогодние стихи. Книга Евгении Гинзбург — драматическое повествование о восемнадцати годах тюрем, лагерей и ссылок, потрясающее своей беспощадной правдивостью и вызывающее глубочайшее уважение к силе человеческого духа, который не сломали страшные испытания. "Крутой маршрут" — захватывающее повествование о безжалостной эпохе, которой не должно быть места в истории человечества.

Городницкий Александр Моисеевич (р.1933), учёный-океанолог, академик Российской Академии наук, автор и исполнитель бардовских песен.

У евреев сегодня праздник.
Мы пришли к синагоге с Колькой.
Нешто мало их били разве,
А гляди-ка - осталось сколько!
Русской водкой жида согрелись,
И, пихая друг друга боком,
Заплясали евреи фрейлехс
Под косые взгляды из окон.

Ты проверь, старшина, наряды,
Если что, поднимай тревогу.
И чему они, гады, рады?
Всех ведь выведем понемногу.
Видно, мало костям их прелось
По сырым и далёким ямам.
Пусть покуда попляшут фрейлехс -
Им плясать ещё, окаянным!

Выгибая худые выи,
В середине московских сует,
Поразвесив носы кривые,
Молодые жида танцуют.
Им встречать по баракам зрелость
Да по кладбищам – новоселье,
А евреи танцуют фрейлехс,
Что по-русски значит – веселье. (1964)

*Своим происхождением, не скрою,
Горжусь и я, родителей любя,
Но если слово разойдется с кровью,
Я слово выбираю для себя.
И не отыщешь выхода иного,
Какие возраженья ни готовь,
Родство по слову порождает слово,
Родство по крови – порождает кровь.*

Поминальная идишу

Только наружу из дому выйдешь,
Сразу увидишь:
Кончился идиш, кончился идиш,
Кончился идиш.

В Чешских Градчанах, Вене и Вильно,
Минске и Польше,
Там, где звучал он прежде обильно,
Нет его больше.

Тех, кто в местечках некогда жил им,
Нет на погостах, -
В небо унес их черный и жирный
Дым Холокоста.
Кончили разом пулей и газом
С племенем мерзким,
Чтоб не мешала эта зараза
Hebrew с немецким.

То, чем гревели некогда Зускин
Или Михоэлс,
Перемогая словом изустным
Время лихое,
То, чем и Маркиш пели и Шолом
Птицей на ветке,
Бывшее ярким, стало дешевым,
Сделалось ветхим.

В книге потомков вырвана с корнем
Эта страница
С песней о том, как Ицик упорно
Хочет жениться.
В будущем где-то жизни без гетто
Им пожелай-ка!
Тум, балалайка, шпиль, балалайка,
Штиль, балалайка.

Те, в ком когда-то звонкое слово
Зрело и крепло,
Прахом безмолвным сделались снова,
Горсткою пепла.
Пыльные книги смотрят в обиде
В снежную замять.
Кончился идиш, кончился идиш, -
Вечная память!.. (2001)

P.S. **[Посмотрите фильм А. Городницкого "В поисках идиша":](http://alexandergorodnitsky.com/content/view/41/36/)**
<http://alexandergorodnitsky.com/content/view/41/36/>

Дементьев Андрей Дмитриевич (р. 1928), русский поэт.

*Со времён древнейших и поныне
Иудеи, встретясь, говорят:
"В будущем году – в Иерусалиме..."
И на небо обращают взгляд.*

*На какой земле они б ни жили,
Всех их породнил Иерусалим.
Близкие друг другу иль чужие,-
Не судьбою, так душою с ним.*

*Увожу с визиткой чьё-то имя,
Сувениры, книги, адреса...
"В будущем году – в Иерусалиме..."
С тем и отбываем в небеса.*

*...За окном шумит московский ливень.
Освежает краски на гербе.
"В будущем году в Иерусалиме",-
Мысленно желаю я себе.*

На Святой земле, как прежде,
Круглый год цветут цветы.
Жаль, бываем мы всё реже
В этом царстве красоты.

Жаль, что жизнь
Здесь стала круче-
Со взрывчаткой и стрельбой.
И, страданием измучен,
Стал Израиль моей судьбой.

И хотя еврейской крови
Нет ни в предках ни во мне-
Я горжусь своей любовью
К этой избранной стране.

*Три года я живу среди иудеев,
Среди весны, открытий и тревог.
И, ничего плохого им не сделав,
Я от вины пред ними изнемог.*

*Не потому ль, что издавна в России
Таилась к этим людям неприязнь?
И чем им только в злобе не грозили!
Какие души втаптывали в грязь!*

*Простите нас, хотя не все виновны.
Не все хулу держали про запас.
Мы испытали вместе лагеря и войны,
И покойные примиряет нас.*

*Пошли, Господь, Земле обетованной
На все века надежду и покой...
И, кем бы ни был ты – Абрамом иль Иваном,
Для нас с тобой планеты нет другой.*

Евтушенко Евгений Александрович (р.1933), русский поэт.

Над Бабым Яром памятника нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно. Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас — я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.
Мне кажется, что Дрейфус — это я.
Мещанство — мой доносчик и судья.
Я за решеткой. Я попал в кольцо.
Затравленный, оплеванный, оболганный.
И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.
Мне кажется — я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилён.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот: «Бей жидов, спасай Россию!»
насилует лабазник мать мою.
О, русский мой народ! — Я знаю — ты
По сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту твоей земли.
Как подло, что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!

Мне кажется — я — это Анна Франк,
прозрачная, как веточка в апреле.
И я люблю. И мне не надо фраз.
Мне надо, чтоб друг в друга мы смотрели.
Как мало можно видеть, обонять!
Нельзя нам листьям, и нельзя нам неба.
Но можно очень много — это нежно
друг друга в темной комнате обнять.
Сюда идут? Не бойся — это гулы
самой весны — она сюда идет.
Иди ко мне. Дай мне скорее губы.
Ломают дверь? Нет — это ледоход...
Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно, по-судейски.
Все молча здесь кричит, и, шапку сняв,
я чувствую, как медленно седею.
И сам я, как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных.
Я — каждый здесь расстрелянный старик.
Я — каждый здесь расстрелянный ребенок.
Ничто во мне про это не забудет!
«Интернационал» пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам, как еврей,
и потому — я настоящий русский!

Искандер Фазиль Абдулович (р. 1929), российский писатель и поэт, уроженец Абхазии.

Ветхозаветные пустыни,
Где жизнь и смерть - на волоске.
Еще кочуют бедуины.
Израиль строит на песке.

Он строит, строит без оглядки.
Но вот прошли невдалеке -
Как хрупки девушки-солдатки!
Израиль строит на песке.

Грозят хамсин или арабы,
Зажав гранату в кулаке.
О чем, поклонники Каабы?
Израиль строит на песке.

Крик муэдзина, глас раввина
Сливаются на ветерке.
Какая пестрая картина!
Израиль строит на песке.

Где проходили караваны,
Вздымая прах из-под копыт,
Взлетают пальмы, как фонтаны,
И рукотворный лес шумит.

На дело рук людей взгляни-ка,
Интернационал стола:
Улада Севера - клубника,
Япончатая мушмала.

Что могут рассказать века мне
На человеческом языке?
Что мир не выстроил на камне -
Израиль строит на песке.

...Арабский рынок, шум базарный,
Непредсказуемый Восток.
Но, за доверье благодарный,
Не рассыпается песок.

[Казакова Римма Фёдоровна \(1932 - 2008\), русская советская поэтесса.](#)

Уезжают русские евреи,
Покидают отчий небосвод.
И кому-то, видно, душу греет
Апокалиптический исход.
Расстанутся невозвратно с нами,
С той землёй, где их любовь и пот.
*Были – узы, а теперь узлами,
Словно склад, забит аэропорт.
Что сказать, что к этому добавить?
Это чья победа, чья беда?
Что от них нам остаётся? Память.
Памятники духа и труда.
Удержать их, не пустить могли ли?
Дождь над Переделкиным дрожит.
А на указателе к могиле
Пастернака выведено: "жид".*

(Газета "Правда", 9.09.1990)

Коржавин (Мендель) Наум Моисеевич (р.1925), советский и российский поэт, прозаик, драматург.

*Мир еврейских местечек...
Ничего не осталось от них,
Будто Веспасиан
здесь прошел
среди пожаров и гула.
Сальных шуток своих
не отпустит беспутный резник,
И, хлеща по коням,
не споет на шоссе балагула.
Я к такому привык -
удивить невозможно меня.
Но мой старый отец,
все равно ему выпросить надо,
Как людей умирать
уводили из белого дня
И как плакали дети
и тщетно просили пощады.
Мой ослепший отец,
этот мир ему знаем и мил.
И дрожащей рукой,
потому что глаза слеповаты,
Ощутит он дома,
синагоги
и камни могил,-
Мир знакомых картин,
из которого вышел когда-то.
Мир знакомых картин -
уж ничто не вернет ему их.
И пусть немцам дадут
по десятку за каждую пулю,
Сальных шуток своих
все равно не отпустит резник,
И, хлеща по коням,
уж не спеть никогда
балагуле. (1945)*

ДЕТИ В ОСВЕНЦИМЕ

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились - мучили детей.
И это каждый день опять:
Кляня, ругаясь без причины...
А детям было не понять,
Чего хотят от них мужчины.
За что - обидные слова,
Побои, голод, псов рычанье?
И дети думали сперва,
Что это за непослушанье.
Они представить не могли
Того, что было всем открыто:
По древней логике земли,
От взрослых дети ждут защиты.
А дни всё шли, как смерть страшны,
И дети стали образцовы.
Но их всё били.

Так же.

Снова.

И не снимали с них вины.
Они хватались за людей.
Они молили. И любили.
Но у мужчин "идеи" были,
Мужчины мучили детей.

Я жив. Дышу. Люблю людей.
Но жизнь бывает мне постыла,
Как только вспомню: это - было!
Мужчины мучили детей! (1972)

Кочетков Михаил Николаевич (р.1961), поэт, исполнитель собственных песен.

В.Туриянскому

*Мой друг уехал зимой в Израиль.
Сижу, как будто в карман насрали,
Осиротили, украли друга,
А за окошком рыдает вьюга.
А за окошком летают пули,
Фонарь как финку в сугроб воткнули
И сердце просто на части рвется -
Мой друг уехал и не вернется.*

*Да я и сам бы туда поехал,
Не за деньгами, а ради смеху.*

*Я б ради смеху купил ермолку,
Надел ермолку, да фиг ли толку?
Не подчиненный и не начальник
Сижу на кухне, простой, как чайник.
Жизнь отравили мою, как Припять.
Мой друг уехал и не с кем выпить.*

*Жена притихла, как в час погрома,
Я одиноко брожу по дому
И тараканов под зад пинаю,
Хожу и тихонько напеваю:
"Он уехал, он уехал, а слезы льются из очей".*

*Нас обманули, нас разлучили
И слезы горькие, словно чили,
Мне разъедают лицо до кости.
Ах, не езжайте к еврею в гости.
Они напустят кругом туману,
Потом обнимут, потом обманут.
На историческом побережье
Вас обласкают, потом обрежут.*

*Мой друг уехал, а я остался,
Хотя уехать и я пытался,
Но мне сказали: "Молчи в ладошку
И жуи на кухне свою картошку".
Сижу на кухне, жую картошку
И, как придурок, молчу в ладошку.
И эта песня, в каком-то смысле
Уже не песня, а просто мысли.*

*На сердце горечь, в душе обида,
Совсем пропало мое либидо,
Пропал мой юмор и мои феньки,
Пропали спички, и даже деньги.
Возможно, лет, этак, через двадцать,
Он возвратится, что может статься,
И у могилы моей глубокой
С волненьем скажет такие строки:*

*"Что мне сказать в такой печальный час,
чего ни говори, все будет мало.
Такой светильник разума угас,
Такое сердце биться перестало".*

*Мой друг уехал зимой в Израиль.
Сижу, как будто в карман насрали,
И сердце просто на части рвется -
Мой друг уехал и не вернется.*

Комментарий: Михаил Кочетков - замечательный бард и поэт, автор, сочетающий в своем творчестве балладность Высоцкого, романтичность Окуджавы, иронию Шаова, и при этом

обладающий своим неповторимым и легко отличимым голосом. Окончил Московский государственный университет. Актер. Участник творческого объединения "Первый круг". Песни пишет с 1979 г. на свои стихи. С декабря 1995 г. он вел песенную передачу с участием бардов "Гнездо глухаря". Он организовал в Москве бард-кафе "Гнездо глухаря", где постоянно выступают барды. Он организатор и ведущий телепередачи об авторской песне "Домашний концерт". Выпустил 4 CD-диска и книгу стихов. Кочетков - прежде всего прекрасный поэт. Его стихотворные эпитеты настолько "вкусны", что каждого ждешь с замиранием сердца, а каждая строчка скупа и точна. Умение усмехнуться над собой, некая не двусмысленная самоирония вызывают искреннее уважение.

P.S. [Желающие могут эту песню послушать в исполнении автора:](http://www.youtube.com/watch?v=i9uYkSRRGIQ)
<http://www.youtube.com/watch?v=i9uYkSRRGIQ>

Кузовлёва Татьяна Витальевна (р.1939), русская поэтесса. Секретарь Союза писателей г. Москвы.

*Поверь, Иерусалим:
Была моя бы воля,
Губами бы сняла
С твоих камней слезу.
Здесь вертикаль любви
С горизонталью боли
Образовали крест,
И я его несусь.*

*Я знаю, хрупок мир
И вечность ненадежна,
И не точны слова,
И уязвима плоть.
Но истина одна
Светла и непреложна -
Одна у нас Земля,
Один у нас Господь.*

*Прости, Иерусалим,
Я вряд ли вновь здесь буду.
Но будут жечь меня
На северных ветрах
Жар полдня твоего,
Твоей ночи остуда
И за твоих детей
Неистребимый страх.*

2003 г.

Купала Янка (Иван Доминикович Луцевич) (1882 - 1942), белорусский поэт.

Жи́ды! "Христопродавцы и приبلуды"!
О, слава вам, всебелорусские Жи́ды!
Я верю вам, хоть вам вослед повсюду
Плюют и стар и млад, вельможи и рабы.
Невольники вы, как и мы сегодня,
На белорусской на израненной земле
На черный гнет взирает лик господний-
Вы с нами вместе, как зверье в тугой петле.
Воскреснете, Жи́ды, в воскресшей Беларуси -
Ваш флаг и факел наш да будут жить,
Хоть рок грозит, что нас в могилу спустит,
Хоть меч дамоклов в воздухе висит..
Горят и не погаснут ваши свечки,
Вы дали миру мудрого Христа -
Ему воздвигли мы, греховные овечки,
Алтарь, где вечно бьет поклоны беднота.
Но вы Христа унизили, распяли
За то, что он врагом отчизны вашей был.
Распространить на мир весь пожелали
Вы власть свою под отголоски нив -
И отобрали край у вас народы,
На вечное скитанье обрели.
И разбрелись по миру ваши роды,
Кормиться вам пришлось от неродной земли.
И Север, и Восток, и Юг, и Запад
Встречали все вас, как гостей, тогда.
Все вам старались помогать, как брату,
Вы всех и все вас берегли от зла
Когда в Испании взбунтованные люди
Вас выгнали, и в спины неся смех,
На белорусском поле ваши груди
Навек нашли и пищу, и ночлег.
Шли дни. Безбожно в цепи заковали
Вас короли и деспоты цари.
Вас только Белорусы уважали,
Как своих близких - до счастливой до поры.
Москва, Варшава оплевали ваше имя,
У черни ненависть распаливали к вам,
А Беларусь под крыльями своими
Вас грела, вашей нянькою была.
Но отреклись потом вы от народа,
Который одарил вас и укрыл.
Пошли искать богатство и свободу
У сильных, тех, кто петлю дал и чин.
Разбросанные гибнуть в этом мире,
Мессию ждете вы еще, Жи́ды, -
И Белорусы эту ждут Мессию,
Как с нами вы, пойдут за вами, как один.
Ваш ясный светоч - там, где Палестина,

Наш ясный светоч - Беларусь одна:
Я верю, что оковы наши сгинут,
Спадут - и засияет всем весна!
Теперь за вами слово в бурю эту:
Пора, Жиды, хозяйева земли,
Пойти с народом нашим к чудо-свету, -
Долг заплатить вам Беларусь велит! (1919)

Комментарий: Стихотворение часто цитируется на страницах белорусскоязычных изданий как пример доброжелательного отношения Купалы к евреям. Да, Купала "верит нам" и сочувствует, и даже как будто с пониманием относится к сионизму: "Ваш ясный светоч - там, где Палестина", но по всему выходит, что евреи лишены самостоятельного права выбора своей судьбы - уж слишком настойчиво предлагается им "долг заплатить". Им, живым людям (в 1919 г евреев на белорусских землях было не менее 10 процентов от всего населения, а в городах, местечках - 40-80 процентов), Купала обещает вот что: "Воскреснете, Жиды, в воскресшей Беларуси..." Любопытно, что в черновом наброске стихотворения Купала и выражает надежду ("Еще дадите вы пророка белорусам"), и угрожает: "С народом не пойдете . - гибель будет ваша навсегда". Тут явственно слышатся христианские мотивы: утрата евреями "права на богоизбранность", обретение этого права во Христе. Правда, место последнего у Купалы, который не очень-то жаловал христианские догмы, занимает Беларусь. (В. Рубинчик)

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814 - 1841), русский поэт.

*Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид, -
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век,
Был бит не раз, с безбожником – безбожник,
С святошей – езуит, меж нами злой картёжник,
А с честными людьми – пречестный человек...*

(Из драмы "Маскарад", о персонаже Шприхе).

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю.
По крайней мере есть один,
Который всё с ней потерял, —
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!.. (1830)

Комментарий: Последнее стихотворение при жизни поэта не печаталось. Это первоначальный набросок "Еврейской мелодии" для драмы "Испанцы", опубликованный впервые в 1880 году

Мандельштам Осип Эмильевич (1891 – 1938), русский поэт.

Эта ночь непоправима,
А у вас ещё светло.
У ворот Ерусалима
Солнце чёрное взошло.
Солнце жёлтое страшнее -
Баю баюшки баю.
В светлом храме иудеи
хоронили мать мою.
Благодати не имея
и священства лишены,
в светлом храме иудеи
отпевали прах жены.
И над матерью звенели
голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели,
чёрным солнцем осиян.

(1916)

*Жил Александр Герцевич,
Еврейский музыкант,-
Он Шуберта намерчивал,
Как чистый бриллиант*

*И власть с утра до вечера,
Заученную в хруст,
Одну сонату вечную
Играл он наизусть.*

*Что, Александр Герцевич,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич,
Чего там, всё равно!*

*Пускай там итальяночка
Покуда снег хрустит -*

*На узеньких на саночках
За Шубертом летит!*

*Нам с музыкой голубою
Не страшно помереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть*

*Что, Александр Герцевич,
На улице темно?
Брось, Александр Герцевич,
Чего там, всё равно!*

*Всё, Александр Герцевич,
Заверчено давно.
Брось, Александр Скерцевич,
Чего там, всё равно!*

1931 г.

Комментарий: Последнее стихотворение посвящено Айзенштату Александру Герцевичу - еврейскому музыканту, соседу по квартире Александра Мандельштама, брата Осипа Эмилевича. Песню на эти слова исполняла Алла Пугачёва. Судьба поэта трагична. Осенью 1933 он пишет стихотворение о Сталине "Мы живем, под собою не чуя страны...", за которое в мае 1934 был арестован. После окончания срока ссылки возвращается в Москву, но здесь ему жить запрещают. Живет в Калинин. Получив путевку в санаторий, уезжает с женой в Саматиху, где он был вновь арестован. Приговор - 5 лет лагерей за контрреволюционную деятельность. Этапом был отправлен на Дальний Восток. В пересыльном пункте на Второй речке (теперь в черте Владивостока) 27 декабря 1938 О.Мандельштам умер от дистрофии в больничном бараке лагеря. В.Шкловский сказал о Мандельштаме: "Это был человек... странный... трудный... трогательный... и гениальный!"

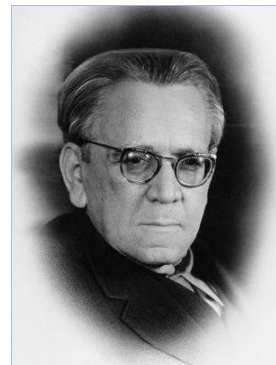
Маршак Самуил Яковлевич (1887 – 1964), советский поэт, переводчик.

ИЕРУСАЛИМ

*По горной царственной дороге
Вхожу в родной Иерусалим
И на святом его пороге
Стою смущен и недвижим.*

*Меня встречает гул знакомый,
На площадях обычный торг
Ведет толпа. Она здесь дома,
И чужд ей путника восторг.*

*Шумят открытые харчевни,
Звучат напевы чуждых стран,*

*Идет, качаясь, в город древний
За караваном караван.*

*Но пусть виденья жизни бренной
Закрыли прошлое, как дым, -
Тысячелетья неизменны
Твои холмы, Иерусалим!*

*И будут склоны и долины
Хранить здесь память старины,
Когда последние руины
Падут, веками сметены.*

*Во все века, в любой одежде
Родной, святой Иерусалим
Пребудет тот же, что и прежде, -
Как твердь небесная над ним! (1918)*

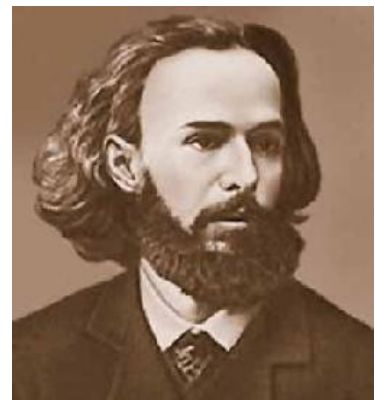
Мой ответ Маркову

Был в царское время известный герой
По имени Марков, по кличке "второй".
Он в Думе скандалил, в газете писал,
Всю жизнь от евреев Россию спасал.
Народ стал хозяином русской земли
От Марковых прежних Россию спасли.
И вот выступает сегодня в газете
Еще один Марков, теперь уже третий.
Не мог не сдержаться "поэт-нееврей",
Погибших евреев жалеет пигмей.
Поэта-врага он долбаёт ответом,
Завернутым в стих хулиганским кастетом. (1961)

Комментарий: Первое стихотворение - это малоизвестное сочинение С.Я.Маршака, не публиковавшееся ни в одном из советских изданий поэта, было обнародовано внуком Самуила Яковлевича, А.И.Сперанским, живущим в Иерусалиме. Второе: ходившая в списках отповедь гонителям Е. Евтушенко за стихотворение «Бабий Яр».

[Надсон Семён Яковлевич \(1862 - 1887\), русский поэт.](#)

Я рос тебе чужим, отверженный народ,
И не тебе я пел в минуты вдохновенья.
Твоих преданий мир, твоей печали гнёт
Мне чужд, как и твои ученья.
И если б ты, как встарь, был счастлив и силён,
И если б не был ты унижен целым светом,-

Иным стремлением согрет и увлечён,
Я б не пришёл к тебе с приветом.
Но в наши дни, когда под бременем скорбей
Ты гнёшь чело своё и тщетно ждёшь спасенья,
В те дни, когда одно название "еврей"
В устах толпы звучит, как символ отверженья,
Когда твои враги, как стая жадных псов,
На части рвут тебя, ругаясь над тобою,
Дай скромно стать и мне в ряды твоих бойцов,
Народ, обиженный судьбою!

Комментарий: Очень одарённый поэт, который сейчас незаслуженно забыт. Отец - еврей. Мать - русская дворянка, красавица Мамонтова. Национальная смесь порадила гения. Надсон умер в возрасте 24-х лет от туберкулёза, как тогда говорили, от чахотки. Ему удалось создать несколько очень метких поэтических формул, врезавшихся в память. Стихи - "Как мало прожито, как много пережито", "Пусть арфа сломана - аккорд еще рыдает", "Только утро любви хорошо" - стали крылатыми и вошли в обиход речи. К сильным сторонам Надсона следует также причислить полное отсутствие искусственной приподнятости и риторичности. Поэзия Надсона ясна и доступна каждому читателю - и может быть в этом даже главная тайна ее успеха.

Озеров (Гольдберг) Лев Адольфович (1914 – 1996), российский поэт, переводчик.

БАБИЙ ЯР

Сегодня по Львовской идут и идут.
Мглисто.
Долго идут. Густо, один к одному.
По мостовой,
По красным кленовым листьям,
По сердцу идут моему.
Ручьи вливаются в реку.
Фашисты и полицаи
Стоят у каждого дома, у каждого палисада.
Назад повернуть – не думай,
В сторону не свернуть,
Фашистские автоматчики весь охраняют путь.
А день осенний солнцем насквозь просвечен,
Толпы текут – тёмные на свету.
Тихо дрожат тополей последние свечи,
И в воздухе:
– Где мы? Куда нас ведут?
– Куда нас ведут? Куда нас ведут сегодня?
– Куда? – вопрошают глаза в последней мольбе.
И процессия длинная и безысходная
Идёт на похороны к себе.
За улицей Мельника – кочки, заборы и пустошь.
И рыжая стенка еврейского кладбища. Стой...
Здесь плиты наставлены смертью хозяйственно густо,

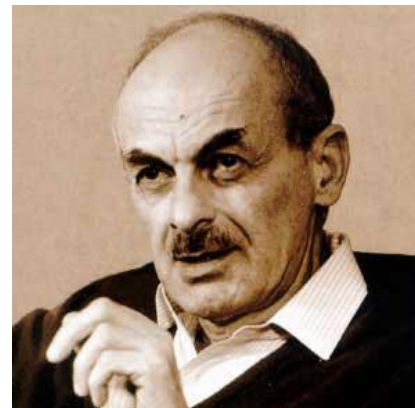
И выход к Бабьему Яру,
Как смерть, простой.
Уже всё понятно. И яма открыта, как омут.
И даль озаряется светом последних минут.
У смерти есть тоже предбанник.
Фашисты по-деловому
Одежду с пришедших снимают и в кучи кладут.
И явь прерывается вдруг
Ещё большею явью:
Тысячи пристальных,
Жизнь обнимающих глаз,
Воздух вечерний,
И небо,
И землю буравя,
Видят всё то, что дано нам увидеть
Раз...
И выстрелы, выстрелы, звёзды внезапного света,
И брат обнимает последним объятьем сестру...
И юркий эсэсовец лейкой снимает всё это,
И залпы.
И тяжкие хрипы лежащих в Яру.
А люди подходят и падают в яму, как камни...
Дети на женщин и старики на ребят.
И, как пламя, рвущимися к небу руками
За воздух хватаются
И, обессилев, проклятья хрипят.
Девочка, снизу: – Не сыпьте землю в глаза мне...–
Мальчик: – Чулочки тоже снимать? –
И замер,
В последний раз обнимая мать.
А там – мужчин закопали живыми в яму.
Но вдруг из земли показалась рука
И в седых завитках затылок...
Фашист ударил лопатой упрямо.
Земля стала мокрой,
Сравнялась, застыла...

*Я пришёл к тебе, Бабий Яр.
Если возраст у горя есть,
Значит, я невысказанно стар,
На столетья считать – не счесть.
Здесь и нынче кости лежат,
Черепки желтеют в пыли,
И земли белеет лишай
Там, где братья мои легли.
Здесь не хочет расти трава.
А песок, как покойник, бел.
Ветер свистнет едва-едва:
Это брат мой там захрипел.
Так легко в этот Яр упасть,*

Стоит мне на песок ступить, –
И земля приоткроет пасть,
Старый дед мой попросить пить.
Мой племянник захочет встать,
Он разбудит сестру и мать.
Им захочется руку выпростать,
Хоть минуту у жизни выпросить.
И пружинит земля подо мной:
То ли горбится, то ли корчится.
За молитвенной тишиной
Слышу детское:
– Хлебца хочется.
Где ты, маленький, покажись,
Я оглох от боли тупой.
Я по капле отдам тебе жизнь, –
Я ведь тоже мог быть с тобой.
Обнялись бы в последнем сне
И упали вместе на дно.
Ведь до гроба мучиться мне,
Что не умерли смертью одной.
Я закрыл на минуту глаза
И прислушался, и тогда
Мне послышались голоса:
– Ты куда захотел? Туда?!
Гневно дёрнулась борода,
Раздалось из ямы пустой:
– Нет, не надо сюда.
– Ты стоишь? Не идёшь?
Постой!
У тебя ли не жизнь впереди?
Ты и наше должен дожить.
Ты отходчив – не отходи.
Ты забывчив – не смей забыть!
И ребёнок сказал: – Не забудь. –
И сказала мать: – Не прости. –
И закрылась земная грудь.
Я стоял не в Яру – на пути.
Он к возмездью ведёт – тот путь,
По которому мне идти.
Не забудь...
Не прости... (1944 – 1945)

Окуджава Булат Шалвович (1924 -1997), российский поэт.

*Под крики толпы угрожающей,
Хрипящей и стонущей вслед,
Последний еврей уезжающий
Погасит на станции свет.*

Потоки проклятий и ругани
Худою рукою стряхнёт.
И медленно профиль испуганный
За тёмным окном проплывёт.

Как будто из недр человечества
Глядит на минувшее он...
И катится мимо отечества
Последний зелёный вагон.

Весь мир, наши судьбы тасующий,
Гудит среди лесов и морей.
Еврей, о России тоскующий
На совести горькой моей.

Над площадью базарною
Вечерний дым разлит.
Мелодией азартною
Весь город с толку сбит.
Еврей скрипит на скрипочке
О собственной судьбе,
И я тянусь на цыпочки
И плачу о себе... Какое милосердие
Являет каждый звук,
А каково усердие
Лица, души и рук,
Как плавно, по-хорошему
Из тьмы исходит свет,
Да вот беда - от прошлого
Никак спасенья нет.

Комментарий: Свою автобиографическую книгу "Упразднённый театр. Семейная хроника" Булат Окуджава начинает такими словами: "В середине прошлого века Павел Перемушев, отслужив солдатиком свои двадцать пять лет, появился в Грузии, в Кутаиси, получил участок земли за службу, построил дом и принялся портняжить. Кто он был - то ли исконный русак, то ли мордвин, то ли еврей из кантонистов - сведений не сохранилось, дагерротипов тоже". Выходит, Булат Шалвович не исключал того, что его прадед был по происхождению евреем. Павел Перемушев женился на грузинке Саломее Медзмариашвили. Их старшая дочь Елизавета вышла замуж за Степана Окуджаву и родила восьмерых детей. Один из них Шалва, отец поэта, женился на армянке Ашхен. Следовательно, в жилах Булата Окуджавы, кроме грузинской и армянской, вероятно, текла и еврейская кровь. И заявить об этом открыто в России - надо было обладать мужеством. Господа антисемиты должны кусать себе локти. Проявления антисемитизма многолики. Однажды, ещё в начале перестройки, один провинциальный российский дирижёр похвастался проверяющей комиссии министерства культуры, что у него в симфоническом оркестре уже нет ни одного еврея. На что получил ответ: "Это было слышно, когда ваш оркестр играл". Будучи очень музыкальным, Булат Окуджава высоко ценил еврейскую задушевность и музыкальность.

Пушкин Александр Сергеевич (1799 – 1837), русский поэт.

*В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло всё под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь. - Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоумением отворяет -
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох.
1826 г.*

Христос воскрес, моя Ребекка!
Сегодня следуя душой
Закону Бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я, не робея
Готов, еврейка, заплатить -
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

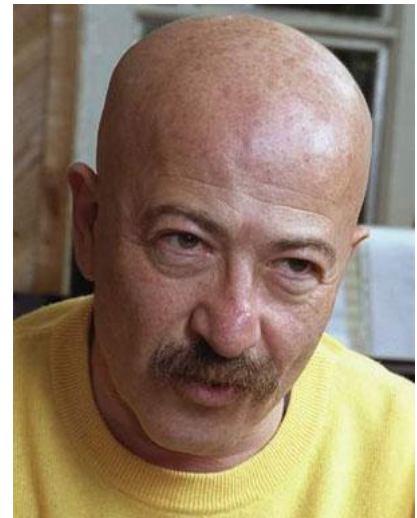
Комментарий: В 1821 поэт написал свою знаменитую «Гаврилиаду» - пародию на евангельский рассказ о непорочном зачатии, которая начинается так: воистину еврейки молодой/ мне дорого душевное спасенье. Видимо, в поэме, которая при жизни поэта не была опубликована, Пушкин лишь смакует подробности любовных утех с еврейской женщиной, возможно, с той же Ревеккой. Известна фраза «Ко мне постучался презренный еврей» из стихотворения «Чёрная шаль», и неприятное для евреев замечание в "песнях западных славян" о том, что «...в мерзостной игре жида с лягушкою венчают». Один из Пушкинских набросков начинается с того, что «теснится среди толпы еврей сребролюбивый». В маленькой трагедии «Скупой рыцарь» выведен отвратительный еврей-жид, который отказывается ссудить деньгами молодого рыцаря Альбера, много задолжавшего ему. Альбера после смерти отца будет ждать богатое наследство, и жид предлагает ему отравить отца, для чего обещает достать яду. Благородный рыцарь отвергает с гневом это предложение. Таким образом, противопоставляются благородный, хоть и беспутный рыцарь-христианин, и готовый на любую низость еврей-ростовщик. Весьма интересна эпиграмма на Фёдора Булгарина: Не то беда, что ты поляк:/ Костюшко лях, Мицкевич лях!/ Пожалуй, будь себе татарин, -/ И тут не вижу я стыда; / Будь жид - и это не беда:/ Беда, что ты Видок Фиглярин. Здесь недвусмысленно проставлен «табель о рангах»: поляк, потом татарин, а уже потом – еврей. Татарин, конечно, плохо - вряд ли Пушкин не знал пословицу: незванный гость хуже татарина, но еврей- это уже на самом низу. Величайший русский поэт, стоит почитать хотя бы его переписку, не всегда «милость к падшим призывал», а в отношении к евреям не поднимался над толпой.

Розенбаум Александр Яковлевич (р.1951), певец, поэт, классик русского шансона .

Еврейский портной

*Тихо, как в раю...
Звезды над местечком высоки и яркие.
Я себе пою, а я себе крою.
Опустилась, ночь.
Отдохните, дети,
День был очень жарким.
За стежком стежок,
Грошик стал тяжел, ой, взй!*

*Было время, были силы,
Да уже не то.
Годы волосы скосили,
Вытерли мое пальто.
Жил один еврей, так он сказал,
Что все проходит.
Солнце тоже, взй,
Садится на закате дня.
Но оно еще родится,
Жаль, что не в пример меня...
Кто же будет одевать их всех
Потом по моде?..*

*Девочка моя,
Завтра утром ты
Опять ко мне вернешься,
Милая моя, фэйгелэ моя,
Грустноглазая,
Папа в ушко майсу скажет, засмеешься.
Люди разные, и песни разные... Ой, вэй!*

*Будет день, и будет пища,
Жить не торопись.
Иногда богаче нищий,
Тот, кто не успел скопить.
Тот, кого уже никто нигде
Ничем не держит.
Нитки, бархат да иголки -
Вот и все дела.
Да еще талмуд на полке, -
Так бы жизнь шла да шла...
Только солнце вижу я все реже, реже...*

*Было время, были силы,
Да уже не то.
Годы волосы скосили,
Вытерли мое пальто.
Жил один еврей, так он сказал,
Что все проходит.*

*Тихо, как в раю...
Звезды над местечком высоки и яркие,
Я себе пою, а я себе крою...
Я себе пою...*

Бабий Яр

Слился с небом косогор,
И задумчивы каштаны
Изумрудная растет трава
Да зеленый тот ковер
Нынче кажется багряным,
И к нему клонится голова

Молча здесь стоят люди,
Слышно, как шуршат платья
Это Бабий Яр судеб
Это кровь моих братьев
Это Бабий Яр судеб
Это кровь моих братьев

До земли недалеко,
И рукой подать до неба

В небо взмыл я и на землю сполз
Вы простите, сестры, то,
Что я с вами рядом не был,
Что в рыдания свой крик не вплел

Воздух напоен болью,
Солнце шириной в месяц
Это Бабий Яр доли,
Это стон моих песен

Ветры свежие летят
С запоздалым покаяньем,
Не услышать мертвым истины
И поэтому стоят
Люди в скорби и молчаньи
Под каштановыми листьями

Боже, ну куда деться!
Суд мой самому страшен
Это Бабий Яр детства
Это плач сердец наших

*На семи ветрах, на семи холмах,
Солнцем он палим - Иерусалим.
Масличной горой всех зовёт он в бой
Сабров и олим - Иерусалим.*

*Йом ве лайла, йом ве лайла
Аколь бе-седер бе Ерушалаим.
Знаешь, мама, ходим прямо
Из Яд-Вашем сквозь строй в Ерушалаим.
Пришла победа - мы ходим в хедер.
Аколь беседер бэ Ерушалаим.*

*На семи ветрах, на семи холмах
У Стены стою я и тфила пою.
Далека капель, вей шма Исраэль!
Годы привели в Иерусалим.*

*Йом ве лайла, йом ве лайла
Еврей с судьбою каждый день играет.
Йом ве лайла, йом ве лайла
Всех нас зовёт к себе Ерушалаим.
Гнула спину мать за сына,
Своих детей теряла Палестина,
Горело небо, сжигали Ребе,
Но помнит мир Синай и гнев Энтеббе.*

На семи ветрах, на семи холмах

*Я нашёл себя и потерял тебя.
Только одна цель - Эрец-Исраэль,
Только один гимн - Иерусалим.*

*Йом ве лайла, йом ве лайла
Мы говорим: Шалом Ерушалаим!
Йом ве лайла, йом ве лайла
Для всех для нас, Господь, храни Израиль!
Нам светила сквозь обиды
Шестиконечная звезда Давида.
И нету края, где нас не знают.
Аколь беседер бэ Ерушалаим. (1994)*

P.S. [Послушайте и посмотрите. Песня А. Розенбаума "Шабес - гой":
http://www.youtube.com/watch?v=zcGeP7_wN_A&feature=related](http://www.youtube.com/watch?v=zcGeP7_wN_A&feature=related)

Рыльский Максим Фадеевич (1895 - 1964), советский украинский поэт.

Народу, что векам дал гениев великих,
Народу, что несёт из тьмы глухих времён
Высокий честный дух среди наветов диких, -
Глубокий мой поклон.
Нас хлеб один вскормил, одни вспоили воды,
Делили братски мы и радость, и печаль,
И за страну свою, за цвет её свободы
Нам жизнь отдать не жаль.
Наступят снова дни, ясны и тиховейны –
Борьба кровавая победы близит час, -
И будут нам сиять великий Маркс и Гейне,
И вам – пророк Тарас.
Пусть буря зла, как зверь, -
Мы с бурей поспорим,
В огне, в дыму боёв отважно мы идём
С усмешкой мудрою,
Как старый Мойхер-Сфорим,
Как Шварцман ваш – с мечом!
Чем мы тесней идём, тем этот миг скорее
В сияньем радужном сквозь тьму
И кровь придёт...
Не умирать, а жить, украинцы, евреи!
Да здравствует народ!
"Еврейскому народу", 1942 г.

Комментарий: При жизни автора это стихотворение на украинском языке так никогда и не было опубликовано. Для советского еврейства наступили тяжелые времена, повсюду

рыскали в поимках "космополитов" и "националистов". Кстати, сам Рыльский также подвергся обвинениям в национализме – украинском, разумеется, и его творение "Еврейскому народу" оказалось опальным. Даже в восьмидесятые годы, когда в Киеве выходило монументальное собрание сочинений Максима Рыльского в двадцати томах, "бдящие" чиновники от литературы это стихотворение не пропустили. И только уже в перестроечный период – 1988 году, когда вышел 19-й том собрания сочинений, "Еврейскому народу" опубликовали в виде комментария к письму Рыльского Хаиму Лойцкеру. Так через 46 лет это стихотворение пришло к украинскому читателю благодаря архиву поэта, хранящемуся в отделе рукописей Института литературы имени Т.Г. Шевченко Академии Наук Украины.

Рязанов Эльдар Александрович (р.1927), российский кинорежисёр, драматург.

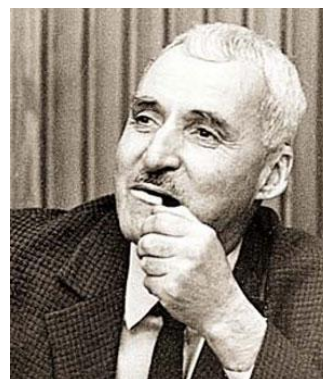
Во мне бурлит смешение кровей...
Признаюсь, по отцу я чисто русский.
По матери, простите, я - еврей.
А быть жидом в стране родимой грустно.
Разорван в клочья бедный организм.
В какой борьбе живет моя природа!
Во мне слились в объятьях "сионизм"
навек с "Союзом русского народа".
То хочется мне что-то разгромить,
то я боюсь, как бы не быть мне битым.
Внутри меня семит с антисемитом,
Которых я не в силах помирить.

(Из выступления в г.Самаре. Опубликовано в одной из местных газет – А.З.)

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915 - 1979), советский писатель и поэт.

*Передо мной два стихотворения,
Две вырезки из разных двух газет,
Нельзя смолчать и не ответить – нет!
Над Бабьим Яром, страшною могилой,
Стоял поэт, он головой поник,
Затем в стихах со страстностью и силой
Сказал о том, что пережил в тот миг.
И вот другой берется за чернила,
За пышной фразой желчный яд разлит,
В стихах есть пафос, страстность, сила –
Летят слова – «Пигмей», «космополит»...
Прикрывшись скорбью о парнях убитых,
О миллионах жертв былой войны,*

*Вы промолчали роль антисемитов,
Чудовищную долю их вины...
Как Евтушенко, каждый честный скажет:
«Интернационал» пусть прогремит,
Когда костями поглубже ляжет
Последний на земле антисемит!»*

(ответ Алексею Маркову – А.З.)

Слуцкий Борис Абрамович (1919 - 1986), российский поэт.

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи рано лысеют,
Евреи больше воруют...

Евреи – люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам топгует в рабкопе.

Я всё это слышал с детства,
Скоро совсем постарею,
Но всё никуда не деться
От крика: "Евреи,евреи!"

Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.

Пуля меня миновала,
Чтоб говорилось нелживо:
"Евреев не убивало!
Все воротились живы!"(1953)

*Созреваю или старею –
Прозреваю в себе еврея.
Я-то думал, что я пробился.
Я-то думал, что я прорвался.
Не пробился я, а разбился,
Не прорвался я, а сорвался.
Я, шагнувший ногою одною*

*То ли в подданство,
То ли в гражданство,
Возвращаюсь в безродье родное,
Возвращаюсь из точки в пространство.*

Незаметно время здесь идет.
Как романы, сводки я листаю.
Достаю пятьдесят третий год –
Про погоду в январе читаю.
Я вставал с утра пораньше – в шесть.
Шел к газетной будке поскорее,
Чтобы фельетоны про евреев
Медленно и вдумчиво прочесть.
Разве нас пургою остановишь?
Что бураны и метели все,
Если трижды имя Рабинович
На одной сияет полосе?

Утёсов Леонид Осипович (Вайсбейн Лейзер Иосифович) (1895 - 1982), советский певец, артист театра и кино.

*Но ненавистен злобой заскорузлой
Я всем антисемитам,
как еврей.
И потому –
я настоящий русский!
Е. Евтушенко*

...Ты прав, поэт, ты трижды прав,
С каких бы ни взглянуть позиций.
Да, за ударом был удар,
Погромы, Гитлер, Бабий Яр
И муки разных инквизиций.
Вот ты взглянул на Бабий Яр,
И не сдержавши возмущенья,
Ты русский, всех людей любя,
В еврея превратил себя,
Призвав свое воображенье...
...Твердит тупой антисемит:
«Во всем виновен только жид».
«Нет хлеба – жид». «Нет счастья – жид».
И что он глуп, виновен жид,
Так тупость голову кружит...
... И если б Ленин нынче жил,

Когда открылся путь до Марса,
Тобой бы он доволен был,
Он очень тот народ ценил,
Что дал Эйнштейна, Карла Маркса...
Отбросив совесть, стыд и честь,
Не знает в мыслях поворотов.
Ему давно пора учесть,
Что антисемитизм – есть
Социализм идиотов...
...Любя страну, людей любя,
Ты стал нам всем родной и близкий.
За это славлю я тебя,
И возношу тебя, любя, –
Поэт и Гражданин Российский.

Октябрь 1961 года

Хайт Аркадий Иосифович (1938 – 2000), российский драматург, писатель – сатирик.

*Уж три тысячелетия
Живёт на белом свете
Народ, который можно
Узнать издалека.
Все с крупными носами,
С печальными глазами
В которых отражаются
Надежда и тоска.
Мои евреи,
Живите вечно,
Пусть мир и праздник
К вам в дом придут.
Пускай не гаснет
Ваш семисвечник
А гитэн ёнтэф олвэр
Алэ зайгэ зунд.
Еврея на планете
Повсюду можно встретить
Он водится в Канаде,
И в Африке живёт.
Он даже на Чукотке
Сидит за рюмкой водки,
Рассказывая чукчам
Самый модный анекдот.
Мои евреи, живите вечно,
Пусть мир и праздник
К вам в дом придут.
Пускай не гаснет
Ваш семисвечник
А гитэн ёнтэф олвэр*

Алэ зайгэ зунд.
Мы в шахматы играем,
Науки изучаем.
И скрипка наша может
Смеяться и рыдать.
Мы чуточку торгуем,
Немного митингуем,
Но если надо,
То идём за это умирать.
Мои евреи, живите вечно,
Пусть мир и праздник
К вам в дом придут.
Пускай не гаснет
Ваш семисвечник
А гитэн ёнтэф олвэр
Алэ зайгэ зунд.

Комментарий: Эту песню часто исполняет Вахтанг Кикабидзе во время своих эстрадных представлений. Хайт работал едва ли не во всех легких жанрах - писал сценарии для киножурналов «Фитиль» и «Ералаш», передачи «Радионяня» А.Лившица и А.Левенбука. Но, пожалуй, самым успешным из творческих предприятий Аркадия Хайта оказались, однако, не юморески и репризы для многих классиков эстрады - от Райкина до Хазанова, а сценарии анимационных сериалов: «Кот Леопольд» и, главное, «Ну, погоди!». Во времена хрущевской «оттепели» среди жителей страны Советов обнаружилась страсть к эксцентрической клоунаде. В кино ее воплотил Леонид Гайдай; позже появился мультипликационный вариант Труса, Балбеса и Бывалого - обаятельный двоечник Волк, бесконечно побиваемый мерзким отличником-Зайцем. Простенький и динамичный мультик отвечал всевозможным архетипам, давал выход нереализованной страсти к насилию и ненависти к идеологии. Кстати, этот знаменитый мультик «Ну, погоди!» завоевал в 1971 году Гран-при на международном фестивале в Кортино д'Ампеццо.

Цветаева Марина Ивановна (1892 – 1941), русская поэтесса.

Евреям

Кто не топтал тебя - и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:
Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: герои!
Предатели! Пророки! Торгаши!
В любом из вас, и в том, что при огарке,
Считает золотые в узелке, -
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матвее, Иоанне и Луке.
По всей земле - от края и до края -

*Распятие и снятие с креста.
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!*

1916 г.

За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Ев—рейский квартал...

Так не достойнее ль во сто крат
Стать вечным жидом?
ибо для каждого, кто не гад,
Ев—рейский погром —

Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! — всюду! — но не в

Жизнь, — только выкрестов терпит, лишь
Овец — палачу!
Право-на-жительство свой лист
Но—гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит! —
Мечь! — В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить — не захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По—щады не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты — жиды!

Отрывок из "Поэмы Конца" - 1924

P.S. [Прочтите интересную статью А.Красильщикова "Евреи Октября и Марина Цветаева": http://www.e-slovo.ru/178/10pol1.htm](http://www.e-slovo.ru/178/10pol1.htm)

Черный Саша (Александр Михайлович Гликберг) (1880 – 1932), русский поэт.

Еврейский вопрос

Не один, но четыре еврейских вопроса!
Для господ шулеров и кокоток пера,
Для зверей, у которых на сердце кора,
Для голодных шпионов с душою барбоса
Вопрос разрешен лезвием топора:

"Избивайте евреев! Они кровопийцы,
Кто Россию к разгрому привел? Не жида ль?
Мы сотрем это племя в вонючую пыль.
Паразиты! Собаки! Иуды! Убийцы!"
Вот вам первая темная быль.

Для других вопрос еврейский -
Пятки чешущий вопрос:
Чужд им пафос полицейский,
Люб с горбинкой жирный нос,
Гешка, Сруль, "свиное ухо" -
Столь желанные для слуха!
Пейсы, фалдочки капотов,
Пара сочных анекдотов:
Как в вагоне, у дверей,
В лапсердаке стал еврей,
Как комично он молился,
Как на голову свалился
С полки грязный чемодан -
Из свиной, конечно, кожи...

Для всех, кто носит имя человека,
Вопрос решен от века и на век -
Нет иудея, финна, негра, грека,
Есть только человек.

У всех, кто носит имя человека,
И был, и будет жгучий стыд за тех,
Кто в темной чаще заливал просеки
Кровавой грязью, под безумный смех...

Но что вопрос еврейский для еврея?
Такой позор, проклятье и разгром,
Что я его коснуться не посмею
Своим отравленным пером...

1909 г.

Юдофобы

*Они совершают веселые рейсы
По старым клоакам оплаченной лжи:
«Жида и жидовки... Цибуля и пейсы...
Спасайте Россию! Точите ножи!»*

*Надевши перчатки и нос зажимая
(Блевотины их не выносит мой нос),
Прошу мне ответить без брани и лая
На мой бесполезный, но ясный вопрос:*

*Не так ли: вы чище январских сугробов
И мудрость сочтется из ваших голов, —
Тогда отчего же из ста юдофобов
Полсотни мерзавцев, полсотни ослов?*

1909

Чичибабин (Полушин) Борис Алексеевич (1923 – 1994), русский поэт.

ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ

Был бы я моложе — не такая б жалость:
не на брачном ложе наша кровь смешалась.

Завтракал ты славой, ужинал бедою,
слезной и кровавой запивал водою.

«Славу запретите, отнимите кровлю», —
сказано при Тите пламенем и кровью.

Отлучилось семя от родного лона.
Помутилось племя ветхого Сиона.

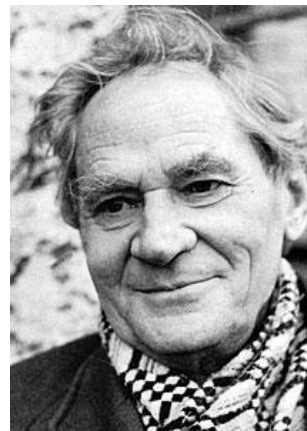
Оборвались корни, облетели кроны, —
муки гетто, коль не казни да погромы.

Не с того ли Ротшильд, молодой и лютый,
лихо заворочал золотой валютой?

Застелила вьюга пеленою хрусткой
комиссаров Духа — цвет Коммуны Русской.

Ничего, что нету надо лбами нимбов, —
всех родней поэту те, кто здесь гоним был.

И не в худший день нам под стекло попала
Чаплина с Эйнштейном солнечная пара...

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
не водись я с грустью золотой и горькой,

не ночуй в канавах, счастьем обуянный,
не войди я навек частью безымянной

в русские трясины, в пажити и в реки,—
я б хотел быть сыном матери-еврейки.

1946

КЛЯНУСЬ НА ЗНАМЕНИ ВЕСЕЛОМ

*Однако радоваться рано -
и пусть орет иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не вернуться злым оравам,
что труп врага уже не знамя,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орет, - а я-то знаю:
не умер Сталин.*

*Как будто дело все в убитых,
в безвестно канувших на Север -
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться,-
не умер Сталин.*

*Пока во лжи неукротимы
сидят холеные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,
покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждет доносчик,-
не умер Сталин.*

*И не по старой ли привычке
невежды стали наготове -
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?
У славы путь неординаков.
Пока на радость сытым стаям
подонки травят Пастернаков,-
не умер Сталин.*

А в нас самих, труслив и хищен,

не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?
Я на неправду чертом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?

Клянусь на знамени веселом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадьё не исчезло,
что не сверну, и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!

1959

Комментарий: Чичибабин - поэт милостью божьей. Еврейская тема слышится у него на протяжении всего творчества. Приходится только сожалеть, что пока имя этого поэта известно сравнительно узкому кругу любителей поэзии. У кого ещё из русских поэтов можно найти такие замечательные по искренности строки по отношению к своим друзьям-евреям, как в стихотворении Чичибабина «Благодарствую други мои...»: Видно, вправду, такие чаи,/ Уголовное время,/ Что все близкие люди мои - / Поголовно евреи... В стихотворении «Чефут-Кале» он так объяснил этот феномен: Давно пора не задавать вопросов,/Бежать людей. /Кто в наши дни мечтатель и философ/ Тот иудей. Уже под занавес жизни поэту удалось побывать в Израиле. Итогом размышлений о влиянии еврейства на мировую культуру явились строки: Солнцу ли тучей затмиться, добрая, / ветру ли дунуть, -/ Кем бы мы были, когда б не евреи, / страшно подумать. На вечере его памяти в Иерусалиме один израильский поэт сказал: - Дай Б-г нам, евреям, любить самих себя так, как любил нас Борис Чичибабин.

[Шендерович Виктор Анатольевич \(р.1958\), российский сатирик, телережисёр, журналист.](#)

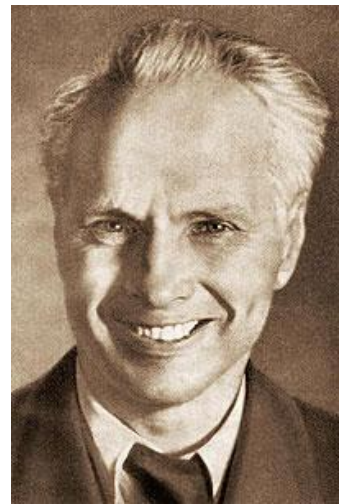
"С чего начинается Родина?"
С того, что напомним тебе,
Что ты иноземец, юродивый
В здоровой российской семье,
Что от Сахалина до Кинешмы
Ты – щепка в глазу большинства,
Что дед твой,
Под Волховом сгнувшийся,-
Не повод ещё для родства.

*Быть может, поверить им на слово,
Вещички, как просят, собрать
И возле таможни неласковой
В стерильные руки отдать
Дорог незалеченных кашицу,
Российский расхристанный лес -
И песню, которую, кажется,
Впервые исполнил Бернес?..*

Щипачёв Степан Петрович (1899 - 1979), советский поэт.

Мне твои глаза забыть едва ли
У евреек, кто-то мне сказал,
Разве только в древности бывали
Серые, как у тебя, глаза.
Их не затуманить и слезами.
Светлое лицо поднимешь ты,
И не отрывался бы часами
От твоей библейской красоты.
Лёгкою дорогою земною
Я пошёл бы смело за тобой,
Если б не стоял передо мною
Чёткий профиль женщины другой.
Если бы и до сих пор не верил
Что тебя в один счастливый час
Я когда-то в молодости встретил
Не затем, чтоб разлюбить сейчас. (1952)

Эренбург Илья Григорьевич (1891 - 1967), советский писатель, публицист.

Еврейскому народу

*Народ, ведущий род от Авраама,
Когда-то мощный и большой народ,
Пахал ты землю долго и упрямо,
Трудясь над нивами из года в год.
Ты был народом юным и весёлым
В своих родных и вспаханных полях.
Раскинувшись по плодоносным долам,
В росой сверкавших пальмовых шатрах.
Но недовольный избранным уделом,
Покинув пастбища и отчий дом,
Побрёл ты нищий по чужим пределам
И сделался пришельцем и рабом.*

*Всегда униженный, гонимый,
Под тяжким бременем забот
Ты шествуешь, едва терпимый.
Бессильный и большой народ.
Ты столько выдержал позора,
Костров, изгнаний и тюрьмы,
Тебя боятся, точно мора,
И сторонятся, как чумы.
Пришелец жалкий и убогий,
Ко всем народам ты привык,
Забывший о еврейском Боге
И потеряв родной язык.*

*Ты больше не взрываешь нивы,
Не стережешь стада овец,
В своей лавчонке боязливый
Ты ныне жалкий торговец.
Старик ослепший и злосчастный,
Рождённый некогда в полях,
Ты умираешь ежечастно
В неумолимых городах.
Лишённый нив, средь душных сводов,
Стеною крепкой обнесён,
Рождая немощных уродов
От вырождающихся жён,
Еврей, ты раб у всех народов,
Ты парий между всех племён!*

*Ты здесь не нужен, пришлый и гонимый. . .
Сбери своих расслабленных детей,
Уйди к родным полям Иерусалима,
Где счастье знал ты в юности своей.
Увидишь ты покинутые нивы,
И снова двинешь заржавелый плуг.
Быть может, там под ветками оливы
Ты отдохнёшь от долголетних мук.
И если должен ты погибнуть вскоре,
Умри не здесь, среди чужих полей,
А там, где видел ты иные зори,
Где счастье знал ты в юности своей. (1911)*

Евреи, с вами жить не в силах,
Чуждаясь, ненавидя вас,
В скитаньях долгих и унылых
Я прихожу к вам всякий раз.
Во мне рождает изумленье
И ваша стойкость, и терпенье.
И необычная судьба,

Судьба скитальца и раба.
Отравлен я еврейской кровью,
И где-то в сумрачной глуши
Моей блуждающей души
Я к вам таю любовь сыновью,
И в час уныний, в час скорбей
Я чувствую, что я еврей!

БАБИЙ ЯР

*К чему слова и что перо,
Когда на сердце этот камень,
Когда, как каторжник ядро,
Я волочу чужую память?
Я жил когда-то в городах,
И были мне живые милы,
Теперь на тусклых пустырях
Я должен разрывать могилы,
Теперь мне каждый яр знаком,
И каждый яр теперь мне дом.
Я этой женщины любимой
Когда-то руки целовал,
Хотя, когда я был с живыми,
Я этой женщины не знал.
Мое дитя! Мои румяна!
Моя несметная родня!
Я слышу, как из каждой ямы
Вы окликаете меня.
Мы понатужимся и встанем,
Костями застучим - туда,
Где дышат хлебом и духами
Еще живые города.
Задуйте свет. Спустите флаги.
Мы к вам пришли. Не мы - овраги. (1944)*

[Бялик Хаим – Науман \(1874 – 1934\), еврейский поэт, прозаик, публицист. До 1920 жил в России. С 1924 в Палестине. Писал в основном на иврите.](#)

Да, погиб мой народ

И объятый тяжелым, губительным сном,
Мой народ не поднялся в порыве одном,
Не почувствовал сил и восторга прилив,
Слыша радостный отклик на скорбный призыв.

И, сынов возвращенных увидя своих,
Он руки не простер, и не принял он их,
И в людской суете и под золота звон
Гром могучий затих, Б-жий глас заглушен,
И в отравленном сердце среди пошлых утех
Б-жье слово давно вызывает лишь смех...

Да, погиб мой народ, он к позору привык,
Без порывов и дел он постыдно поник.
Гнет цепей вековых – беспредельный позор –
Иссушил его ум, ослепил его взор.
Он к неволе привык, и его лишь гнетет
Рабский страх пред бичом, пыль вседневных забот.
Извиваясь, как червь, в бездне муки и бед,
Разве может он верить в грядущий рассвет,
Порываться к далеким, незримым лучам
И вещать свое слово грядущим векам?..(1897)
(Пер. с иврита Л. Яффе)

P.S. [Прочтите о Бялике - "Поэт печали, гнева и любви":
http://www.lechaim.ru/ARHIV/96/geyzer.htm](http://www.lechaim.ru/ARHIV/96/geyzer.htm)

Best Regards,

JB